

Леонид Семинович

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

ПСИХОТРОНИКА

Леонид Семинович

Другая жизнь. Психотроника

«Издательские решения»

Семинович Л.

Другая жизнь. Психотроника / Л. Семинович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935309-2

Техногенное развитие человека, вершины развития технологии, где крайняя точка как эволюция технократии, тотальный диктат технологического преимущества над человеческим, духовным. Старые представления и новая реальность — кто победит? Спасение или гибель? А может и то и другое. Для Мияко это вопрос времени, вопрос жизни, другой жизни, ответом на который станет нечто большее чем обыденность.

ISBN 978-5-44-935309-2

© Семинович Л.
© Издательские решения

Другая жизнь Психотроника

Леонид Семинович

© Леонид Семинович, 2018

ISBN 978-5-4493-5309-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что такое власть? – Возможность одного человека влиять на другого. Или способность одной группы людей влиять на другую. А что такое абсолютная власть? – Владение над чем-либо, абсолютная – значит полное владение, для чего? Чтобы реализовать свою волю. Власть как борьба и побеждает в этой борьбе, чьи устремления более сильные.

Я сидела на большом камне и листала репродукцию настоящей книги, очень старая, неизвестного автора, под названием «Власть», сколько лет писанию, не смогло ответить даже время, может, один, а может, и несколько десятков, сот, даже тысяч земных циклов, циклов обращения планеты вокруг звезды в системе Солнца. Я изучала разные языковые системы и любила читать старинные письма, и хорошо, когда попадались настоящие древние книги, отпечатанные на листах целлюлозной бумаги, те, которые можно было держать, воспринимать тактильно. При чтении появляется чувство, наполненность жизнью каждой страницы. Репродукция старых книг, что в эту эпоху казалось странным и редким, они уходят как не востребованные кусочки чего-то отмирающего, непринятые и не понятые, они хотят жить. Мой знакомый, историк и искусствовед, дилетант, путешествовал в разных информационных системах, вскрывал секретные архивы, извлекал даже самые засекреченные факты жизни о прошлом. Я как любитель эксклюзивного материала была частым его клиентом. Любовь к настоящему и живому родилась у меня раньше, чем родилась я сама.

Дул ветер, задувал под полы местами потертого плаща, плащ моего дедушки, он мне многое напоминал, настоящий, как и книга, той старой, всеми забытой эпохи, времени, когда мы себя звали человеками, кем мы стали сейчас, во что превратились?

Ветер тем временем усиливался, местами поднимая песок, уносил его вдаль, надувал новые барханы, куда ни посмотри – везде песок, пекло, пустынная территория, временами где-то сбоку, совсем рядом, гудела ищейка, модель старая, далеко я ее не отпускала, боялась, пропадет, приходилось находиться всегда рядом и не отпускать дальше поля зрения. Куда ни взгляни, пустынно, скалы и песок, больше ничего, сейсмическая активность не в норме, нас постоянно что-то настораживало, и приходилось делать дополнительную работу. Ищейка, напичканная сейсмическими датчиками, была не нова, и причина не в том, что я так клонилась к старине, к запаху старых эпох, а по тому простому обстоятельству, что на обновление не хватало времени и сил.

Да, я тоже любила старые системы, мое тело – полный аналог биологического тела человека, излишества были ни к чему, они мешали, не давали чувствовать, я ловила ощущение ветра на лице, как он трепал мои волосы, и это помогало мне чувствовать жизнь. Ищейка перемещалась по намеченным точкам, делала замеры геологической активности, я следовала за ней по пятам с книгой в руках, изрядно устала, задыхалась, приходилось садиться возле очередного камня и отдыхать, открывать книгу и читать дальше. Так что же такое власть, я прочитала много произведений неизвестных мне авторов, неизвестных только потому, что их уже давно не было, и их творения пережили их, сохранились сквозь времена и сейчас несли нам мудрость пройденных эпох, я читала и понимала, что мало что изменилось, текло время,

сейчас (мы) называли его циклами, проходили мгновения, миг за мигом, менялись технологии и менялась сама система, но неизменны оставались те, чьи предки называли себя людьми, проблемы не ушли, с нами остались устремления, и я пыталась найти всему этому хоть немного объяснения с мудростью своего времени, и у меня, как и тогда, много времен тому назад, получалось это с трудом. Так что же такое власть задавала снова и снова я себе вопрос, и мой пытливый неимплантированный ум дал мне некий ответ, ничем не отличающийся от многих таких же ответов, которые были даны ранее, я решила, что на определенной стадии развития еще тогда тот человек, имея индивидуальность, всегда вступал в междуособный спор, спор двух, а может, и трех, а если представить тысячи, то и тысяч разных взглядов, порождает уйму разногласий, и на некоем этапе, постепенно, чтобы не спорить, люди выдвигали третейского судью, и он все решал, кто прав и как должно быть. Это снимало энное множество разногласий одним мнением или мнением небольшой группы людей, и неважно, верное оно или неверное, это исключало те моменты, когда не могли прийти к консенсусу. И неужели консенсус был намного важнее истины и здравого смысла? Как мы похожи все-таки, они наши предки. Я сидела и думала обо всем и еще больше понимала, что мало что менялось. Мы отличаемся лишь тем от того давно минувшего человека, что на определенной стадии научились говорить и слушать друг друга, и тем не менее не всегда и не во всем, и больше всего мне нравилось во всем этом это мое тело, я могла чувствовать все и душой и разумом, и сознанием и физически, я один из немногих неимплантированных, и пусть это было немодно, но я считала это правильным, кто имел такое тело, из крови и плоти, даже исключая генные модификации, от которых отказывалась всегда, как и мой дедушка в свое время. Тем не менее я чувствовала в нем действительно себя свободным, как важно чувствовать себя свободным и вольным. Я встала и двинулась дальше, мои ботинки утопали в песке, я сняла их и ступила босой ногой, песок горячий и сыпучий, пересыпался между пальцев, мягко щекотал. Было приятно, и с каждым шагом хотелось делать новый, волосы били по лицу, ветер гонял нагретый воздух, моя ищейка выдавала тревожные графики на монитор планшета, а я все думала, что... Когда-то все было по-другому, и правильность ответа лежала не в однозначной плоскости, кто-то принял этот мир целиком и полностью, а кто-то продолжал бороться внутри, и так было всегда. Все это я узнавала из книг, отголоски прошлого. В руках держала еще один глоток познания.

РАНЕЕ

Представляя все как выбор, причину и следствие. Выбор как реальная данность, причиной были мы все, следствием была Я.

Мир незадолго после нас

По окнам мерно тарабанил дождь, нагонял тоску и тихое умиротворение. Мияко слушала стук, безразлично рассматривая струйки воды на оконных стеклах, лениво стекающие вниз, соединяющиеся воедино. Дождь был несильным, окна все равно отдавались ударами дождя. С утра приходил визитер, предлагал услуги «Ин Транс Корпорейшн» (Инновационная транснациональная корпорация), дедушка долго спорил с ним, представитель пытался переубедить человека старой закалки в его предубеждениях, но у него все равно ничего не получалось, ветеран идей старых и суровых не поддавался на, казалось бы, железные доводы и рассуждения, стоял до последнего, до конца, Мияко слышала их спор.

– Нет, я еще раз говорю, нам не нужны ваши услуги, пусть ваша корпорация провалится под землю, я ветеран и уже на пенсии, и у меня есть свобода выбирать!!! – почти на крик срывался старик, жестикулируя руками.

– Конечно, конечно, у вас есть право решать, вас никто не принуждает, успокойтесь, это отличный шанс, данная технология позволит определить психотип вашей внучки, это даст шанс ей подобрать правильный курс обучения.

– Она сама найдет свой путь!!! Не нужно решать за моих детей, что им лучше, а что нет.

– Но это неизбежно, вы ведь видите, мир меняется.

– Он всегда меняется, катитесь к чертовой бабушке!!! – перебил его дедушка, вытолкнул за порог и затворил створы дверей. Мияко тихо выглянула из-за угла, дедушка стоял, подпирая рукой лоб, спор утомил его. Таких в их жизни было немало, приходили уведомления и в устной, и в письменной форме, иногда навевались визитеры, это была их работа, они приходили ко всем, кто имел схожую позицию, какую имела их маленькая семья, и дедушке уже изрядно они надоедали, и случались случаи, когда он просто отпирал двери, а потом молча закрывал, не давая пришлому сказать ни слова.

– Что он хотел? – спокойно, чтобы не тревожить старика, спросила Мияко.

– Как всегда, все носятся со своими программами, чипами и прочей лабудой, – сердито ответил старик и направился в залу, к себе на кресло, продолжая бормотать что-то под нос, никак не в силах прийти в себя, затем взял книгу, кои сейчас были большой редкостью, что-то про философию, сел и начал читать. А уже после обеда группа скорой помощи забрала его в больницу, оставляя маленькую Мияко наедине с дождем. А тот все тихо шел, стучал по окнам, ему все было ничего и нипочем, и Мияко сидела на дедушкином кресле и смотрела в окно, а на коленях держала книгу, книгу, которую читал дедушка. Плакать не хотелось, нет, за нее плакал дождь, тихо, спокойно плакал, он плакал за всех и даже за всю землю, так говорил дедушка, Мияко запомнила эти слова, а понимал ли их дождь, дедушка говорил, что он понимал все и даже слышал, нужно было только правильно подумать, но у нее это не получалось. Сердце, приступ, наверное, ему помогут, так думала Мияко, достижения науки позволяли это сделать, и она смотрела, сидя у окна, а вместе с дождем на щеках появились первые слезы.

Вечером погода поутихла, на дисплее вывелось уведомление, дедушкиных средств не хватало на лечение, его перевели в стационар искусственного поддержания жизнедеятельности. Да, общество менялось, Мияко знала то, каким оно было, только со слов старика, и каким бы оно могло быть, из его рассуждений. Роль государства становилась все меньше и меньше и чаще всего отражала интересы больших транскорпораций. Наука и техника шагнули далеко, человечеству открывались все новые перспективы, над их учебным корпусом красовалась огромная голограмма с постчеловеком в белом одеянии, вещающая о больших победах, о путешествии к далеким звездам, разных реализованных программах, достижениях фармакологии и генной инженерии, все преподносилось в красивой упаковке, а вместе с этим меняло все в людях, и уже сейчас сама маленькая Мияко наблюдала изменения и то, на что указывал ее дедушка, и все больше наружу выходило подтверждений его словам. Достижения науки – и что они дали? Ее родственник лежал при смерти, и ему никто не в силах был помочь, всему виною был опустевший счет, его средств с трудом хватало на проживание и обучение его внучки, так как в семье их было всего двое. Несчастный случай забрал ее маму и папу, и дедушке пришлось уйти со службы и посвятить свою жизнь единственной внучке. Мияко смотрела на дисплей, не в силах понять, с чего ей начать и что делать, все пособие ее родственника уходило на поддержание жизнеобеспечения, и чем ей теперь платить за обучение и в каком направлении теперь двигаться. Она села обратно в кресло и взяла в руки книжку, она была закрыта, когда дедушка схватился за сердце, она закрылась сама собой и старая потерянная закладка выпала на пол, так она и лежала на том же месте, старая, потерянная, таких, наверное, уже и не осталось в этом времени, и закрытая книжка на коленях. Она просидела весь вечер, иногда всхлипывала, одна в тишине наедине с книгой, дождь давно прошел, на улице смеркалось. Они жили на побережье в отдельном большом доме, который достался ветерану

за заслуги и выслугу лет, отсюда из окна хорошо виднелся закат, еще немного, и уже темно, ночь потихоньку приходила на смену вечерней эпохе.

Из оцепенения ее вывел шум открывающейся двери, легкие шаги, в комнату вошла Доминика Райя, уверенная в себе, с благородными чертами женщина, при каждой встрече она вдохновляла Мияко. Старая еще знакомая по службе, дедушкин друг, с огромной разницей в возрасте, сразу после академии она поступила на службу под его начало, так они и стали хорошими друзьями. Мияко часто видела ее в беседе с бабушкой. Имея схожие взгляды, они находили немало тем для живого общения, чего, как говорил ее старик, в их новое время становилось намного меньше, и с тоской в голосе и с печалью во взгляде, направленном на Доминику, он спрашивал, а что будет дальше? Дальше ничего, закрытая книжка, и кто вновь ее откроет?

– Мияко?

Доминика подошла к креслу, на котором сидела Мияко, обратила внимание на уведомление, взяла ее за руку.

– Мы что-нибудь придумаем вместе.

Девочка молчала, сердце наполняло чувство отрешенности, безнадежности.

– Тебе надо послушать, посмотри на меня.

Доминика понимала, что чувствует сейчас ребенок, оставшись практически один, а полным счетом ничего, в состоянии легкого шока она просто сидела на кресле, держала бабушкину книжку и молчала.

– Мы тебе поможем, сегодня тебе придется остаться дома одной, а завтра я прибуду за тобой, есть некоторые вопросы, касающиеся твоего дальнейшего обучения.

Мияко сразу ожила, в ее глазах появилась надежда и главный вопрос.

– Вы поможете ему?

Доминика не могла врать ребенку, но и сказать тоже было непросто, вместо этого она сжала губы и развела руки в стороны, делая неопределенный жест.

– Я не знаю, я не могу тебе пока ничего сказать.

– Но почему? – никак не могла успокоиться Мияко, на глазах стали проступать слезы. Доминика наклонилась к ее креслу, взяла ее за руку, пытаясь успокоить.

– Послушай, тебе надо сейчас успокоиться, возьми себя в руки, я думаю, бабушке было бы не по нраву, если бы он видел, как ты хлюпаешь носом. Пойми, не все так просто, и, я думаю, отложим все на завтра, когда решится твой вопрос с учебой.

С этими словами Доминика так же тихо и грациозно удалилась. Да, она была настоящей хищницей, подумала Мияко, да и бабушка был не подарок, воспитывал ее по самым суровым законам, и все ясно становилось только со временем. Он говорил сейчас, а понимание пришло потом, спустя какое-то время, и Мияко потом вспоминала, а ведь и вправду бабушка говорил. Она сидела с книгой, обдумывая все и взвешивая, даже не переоделась в пижаму, спать не хотелось, да и уснуть она не смогла бы, временами всхлипывая, а иногда задумываясь, смотрела на книгу под названием «Власть». Так и заснула на кресле. Разбудил ее толчок в плечо, мягкое прикосновение женских рук, Мияко открыла глаза. Доминика стояла и как бы с легким упреком смотрела на нее, в этом взгляде Мияко угадывала несказанные слова, вопрос относительно того, почему она не спала в кровати, не дожидаясь, она просто ответила:

– Не спалось, под утро заснула.

Доминика не давила на ребенка, но уже в этом угадывалась закалка сильного человека, рожденного бороться, отстаивать и доказывать.

– Мияко. собирайся, тебе временно придется переехать ко мне, вопрос с учебой решился, будешь обучаться в нашем центре, другого варианта я не вижу.

– В вашем центре!!

Ее глаза округлились, выражая восхищение и недоверие одновременно, как будто не веря своим ушам. И не понимая, как это возможно.

– Да, да, в нашем центре, там тоже есть образовательные программы. Тебе даже легче будет, там все такие, как ты, адаптация пройдет без проблем, найдешь себе друзей.

– Но как так, а почему дедушка...

– Я знаю. Почему ты там с самого начала не училась, – на полуслове прервала ее Доминика, как будто ожидала вопроса и была готова заранее дать ответ.

– Собирайся, по пути все расскажу, много не бери, дом я сама закрою, за него не беспокойся.

Мияко собирала вещи, настоящие карандаши – где только дедушка их брал? – книги, которых и так было не очень много, прихватила она и дедушкину, думалось потом почитать, о чем она. Все уместилось в небольшой рюкзак, как и говорила Доминика, ничего лишнего, чего у нее и так не было, дедушка не давал особо разгуляться, и из гаджетов только персональная чип-карта с ее данными в виде браслета, надетого на руку. Странное дело, большинство имели вживленные чипы, но дедушка придерживался старины и не давал прохода, и каким образом он только смог решить такой важный вопрос в отношении ее семьи, чтобы встроить данный чип в браслет, для Мияко оставалось загадкой.

Девочка вышла первой, хорошая погода, дождя уже не было, Доминика заперла дверь, поставила жилище на сигнализацию, а неподалеку их ждал ее аэромобиль, экологически чистый транспорт. Мияко подошла к двери и увидела знак биологической безопасности, организации, которую представляла Доминика, странно, именно такой значок висел на шее у дедушки. Пара села в аэромобиль и взяла курс в непонятном для Мияко направлении.

Аэромобиль двигался низко, и внизу можно было с легкостью рассмотреть рельефы ландшафта, строения, местами промышленные зоны и целые центры, они подобно гигантам возвышались то тут, то там, дикие исполины, и каждый имел свое предназначение и цели, множество людей, наполняющих их внутренности, трудящихся там день и ночь только для удовлетворения своих потребностей. Но какие они? Этот вопрос всегда беспокоил дедушку, и он задавал его Мияко в тот момент, когда она в очередном споре пыталась доказать обратное. Блага, вы называете это блага? Блага для кого? И все, она уже знала, что дальше спор не имел никакого смысла, дальше будут только осуждения, извечные осуждения человечества о том, что такое хорошо, а что такое плохо, и в конце он всегда ставил жирную точку. Человек уйдет, а что останется после него, посмотри? Спорить было бесполезно, а ведь то, что, возможно, останется, могло спасти дедушке жизнь, и Мияко до конца было непонятно, почему до сих пор он находится в состоянии жизнеподдержания и ничего не происходит.

– Человек уйдет, а что останется после него, Доминика? – с печалью спросила Мияко, смотря на сильную, уверенную в себе женщину.

– Куда уйдет, Мияко? – последовал обратный вопрос, как бы в ожидание подтверждения, хотя Райя знала, о чем идет речь.

– Так говорил дедушка, когда мы с ним спорили.

– Да, я знаю, мы тоже с ним спорили, это была его любимая фраза, ты останешься, Мияко, он уйдет, а ты останешься, и память останется, и его фраза, она будет жить в тебе, ты только не сдавайся.

Дальше она ничего больше не могла сказать, Мияко уже плакала, уткнувшись лицом в куртку.

– Но почему?

– На то была его воля, он не хочет другой жизни, он был сильным и хотел передать тебе, чтобы ты была такой же, своим примером, все остальное к тебе придет со временем.

Аэромобиль уже набирал высоту, в том месте, где заканчивалась суша, начинался океан, синюшная глубина и водные просторы, все это еще можно было разглядеть, немного полета – и все ушло, скользнуло вниз, с набором высоты изменялась скорость.

Мияко успокоилась и задремала, Доминика посмотрела на нее, понятно, измотанный эмоционально организм не выдержал и впал в сонное состояние, совсем немного, и она уже сопела. Как ни странно, а на скорость она реагировала своеобразным образом и каждое изменение просыпалась, оглаживалась, пыталась увидеть знакомые места, но ничего не было, и она засыпала опять. Так не могло продолжаться весь полет. Мияко проснулась и искоса глядела на Доминику, которая все время находилась в состоянии раздумий, ее лицо выражало какие-то эмоции, где-то там, внутренние, потайные эмоции, только ей известные переживания, хотелось тайком подсмотреть, о чем она думает и что могло ее тревожить, а может, это она, Мияко, ввела ее в глубокий океан раздумий своими заботами и проблемами, и выбора не было, даже если бы она захотела ее освободить от излишних хлопот, то это было бы невозможно, поскольку у нее больше никого не было, в то время как Доминика, наверное, считала обратное и воспринимала все как возврат неоплаченного долга, в котором, как она сама думала, находилась перед дедушкой. Ведь он ей помогал в открытии центра, сначала материально, потом духовно. Первое время он начинал существовать как маленькая организация, несущая в себе определенные цели и задачи, и только время убедило в обратном в постоянном противоборстве с различными внешними проявлениями общества.

– А куда мы летим? – не выдержав долгого молчания, спросила Мияко, что хотела сделать намного раньше, еще в тот момент, когда она рассматривала знак биологической безопасности. Но ответа не последовало, вместо этого Доминика кивнула куда-то в сторону, и Мияко увидела пирамидальной формы здание со знаком биологической безопасности на самой вершине. Аэромобиль приближался, и уже угадывались различные постройки и небольшой городок с сетью дорог и парками. Пирамида возвышалась прямо в центре архитектурного разнообразия различных строений и своими размерами задавала тон остальным, перекрывая все вокруг, указывая на то, что это главный корпус всего центра. Где-то позади угадывались тепличные комплексы и хозяйственные постройки, сама структура находилась в гуще леса, без примыкания дорог, что свидетельствовало об одном – уйти с данной точки можно, только используя воздушный транспорт, в противном же случае идти было некуда, кроме леса и возвышающихся вдали гор поблизости не наблюдался ни один населенный пункт или город. Мияко все увидела, все встало на свои места, это тот центр, о котором Доминика с дедушкой могли разговаривать часами, обсуждая его проблемы и заботы.

– А где город, почему вокруг ничего нет?

– Наиболее экологически благоприятная зона. Тут мы проводим исследования.

– И что за исследования?

– Пойдем со мной.

Аэромобиль приземлился на небольшой площадке в парке, и Доминика вместо ответа поманила Мияко за собой. Хорошо ухоженный и гармонично выстроенный парк имел в большинстве своем сочетание светлых цветов, ряды дорожек, посаженные клумбами, и все это мешалось с аккуратными лавочками. Обычные деревянные лавочки были только на первый взгляд обычные, и даже сразу было понять непросто, что они изготовлены из дерева.

– Это молочное дерево, селекция, видишь, какое оно белое, как молоко, просто так не догадаешься, кажется, что это разновидность пластика, приглядишься к узору, – указала на особенность Доминика. Да, Мияко уже сразу обратила свое внимание на красивые белые узористые лавочки, гладкая отполированная поверхность молочно-белого цвета местами создавала ощущение потека, и если отойти и смотреть в такое место на солнце под разными углами, оно отбрасывало всеми цветами радуги, казалось, что это композитный материал, а может, пластик, но при детальном рассмотрении можно было узнать – это дерево, имеющее непростую замысловатую паутинчатую структуру. Мияко неуверенно облокотилась, погладила по поверхности, та была просто идеально гладкой.

– Его обрабатывают так? – спросила она

– Да, но совсем немного, оно само по себе очень плотное и твердое, и если я тебе открою секрет то ты не поверишь.

– Какой? – удивилась Мияко, не догадываясь, о чем сейчас пойдет речь, но чувствуя явный подвох,

– Аэромобиль.

Доминика с улыбкой указала рукой на технику, стоящую на площадке, Мияко встала и медленно направилась к аэромобилю с открытыми вверх дверями, да, то, что она сразу не заметила, только сейчас стало ясным, один только молочный цвет, отдавая всеми цветами радуги разлитыми красками по белой поверхности, и непонятно, это игра света из-за идеальной гладкости или что-то, о чем Мияко не знала. Аэромобиль был сделан из дерева.

– Да, это одно из наших достижений, в трудный момент оно помогло нашему центру сохранить статус, если бы все было по-другому, то нас бы, может быть, и не существовало. Благодаря этому дереву.

Доминика подошла и с явной любовью погладила идеально гладкую поверхность аэромобиля. Мияко слушала, и интерес мешался в туманном забвении, и хотелось восхищаться в безумном любопытстве, что получалось весьма с трудом.

– Но как такое возможно? – недоумеая, спросила Мияко, стараясь выкинуть прошлое из головы, но это не получалось, и она точно понимала своим юным разумом, что, скорей всего, не получится. Все для нее изменилось в тот момент, когда оставил ее дедушка, и даже она сама, ушел ее родной человек, ушла детская беспечность, так меняются люди, а где-то в дедушкиной книге она прочла, что они остаются неизменными, так кому верить? А может быть, здесь все обман. Мияко усилием воли пыталась подавить упаднические настроения, она знала, они ничем не помогут.

– Дерево – это же органическая структура.

Ей хотелось не думать, не вспоминать

– Да, и это непростая структура, я покажу тебе, у нас в саду выращивают такие, на определенном уровне в некоторых случаях оно даже крепче, чем сталь, но при этом оно живое, мы выращиваем их!!! – многозначительно подчеркнула Доминика.

– Пойдем.

Она поманила рукой, и маленький человек в сопровождении уверенной и сильной женщины направился в сторону возвышающейся пирамиды. Проходя по парку, вокруг все было удивительно и непривычно, насаждения растений и клумб разной величины, местами попадались фонтаны с сидящими вокруг учениками, разные группы, разбросанные по парку то тут, то там, подходя ближе к центру, становилось оживленней, все перемещались исключительно пешим ходом, и для Мияко это, конечно, не было исключением, так как дедушка ее приучал ходить, и, как правило, в большинстве случаев до учебного центра она добиралась пешком, но это целиком и в корне меняло то, что она видела в городах, где все больше общественный и частный транспорт захватывал ума людей, разной величины и формы, воздушный и наземный, там, где-то далеко, откуда они прилетели, это было нормально, но не здесь. Они уже подходили к пирамиде, и отсюда, вблизи, она казалась еще больше. Основание, выполненное с четырех сторон в виде лестницы, возвышалось настолько, что при проходе всех ступенек человек буквально находился над парком, и отсюда можно было разглядеть кромки многочисленных деревьев и растений. Мияко остановилась, вместе с ней встала Доминика, она наблюдала, как маленький человек был ошарашен масштабами их центра. Подъем занял неопределенное время, хорошая разминка, на такой высоте, возвышаясь над деревьями, насаждениями и вереницами дорожек, усеянных фонтанными комплексами, все открывалось как на ладони. Немного в стороне поодаль Мияко увидела водную гладь, стало ясно, что все вокруг окружал один большой парк.

– А зачем столько фонтанов? – весьма по-детски задала вопрос Мияко.

– Вода – это жизнь, – будничным тоном ответила Доминика, эта фраза была уже отточена, Мияко не первый ребенок в здешних местах, кто задает подобные вопросы. Грани пирамиды были выполнены из прозрачного материала, и через призму искривленного света было видно множество уровней, лифты и люди, они были везде. Грандиозное сооружение, и такое простое, пирамида, зеленый центр и знак биологической безопасности на вершине. Зайдя вовнутрь, первое впечатление ошеломило девочку, везде росли растения разной величины, от гигантских до совсем маленьких. Сбоку пронесся хOVER, резко повернулся и завис рядом на полуметровой высоте.

– Прошу.

Доминика пригласила Мияко, двое взошли на борт маленького планирующего аппарата, явно рассчитанного на одного человека.

– Так будет быстрее, нам на другую сторону, к другому выходу, – прокомментировала Доминика, и неудержимый планер помчал спутников к назначенной цели, а вокруг все маячило, люди в белых халатах, различные помещения, и все в легких светлых полутонах, намекающих на расслабленный взор, что не заставляло напрягаться глаза, и еще свет, что-то в нем было необычное, Мияко сразу заметила, это было не простое свечение ламп или прожекторов разной инженерной композиции, это был настоящий дневной свет, и было непросто понять это там, где все окружающие стены были выполнены в форме панорамного стекла, не препятствующего попаданию дневного света, но дело катилось к закату, уже совсем вечерело, и еще более удивительно было наблюдать данное явление, когда они достигли противоположной стороны пирамиды и вышли через противоположную проходную (относительно той проходной, где они вошли), так было быстрее, что давало возможность не обходить здание по периметру. Пирамида буквально светилась изнутри, и от этого свечения у подножия появлялось состояние сумерек, а сами грани, выполненные из прозрачного материала, приняли немного матовый оттенок. Доминика указала направление, куда им двигаться, и Мияко увидела группу одноэтажных домиков, то тут, то там крышами выглядывающих из-за разнообразной растительности парка. В жилой сектор добрались также пешком, и хоть время они относительно потратили немного, но впечатлений Мияко хватило надолго. Они вошли в один из домиков, как оказалось, здесь жила Доминика, и Мияко сразу поразило убранство, оно не отличалось определенной напыщенностью, все просто и практично, минимализм в тех же светлых полутонах, без излишней захламленности, что создавало ощущение простора и уюта, панорамные окна с видом на парк создавали чувство свободы, и Мияко в свете пережитых событий стало даже как-то легче дышать. Она вошла в комнату, на которую ей указала Доминика, та также не изобиловала излишествами, низкая кровать, гладкий пол, Мияко прошуршала по нему босыми ногами, идеально гладкий, из того же дерева. Одним броском рюкзак оказался на кровати, села рядом и начала доставать содержимое, раскладывая книги на стоящий рядом аккуратный круглый стол, в руки попала дедушкина, она посмотрела в панорамное окно, свет, падающий от пирамиды, не заглушал ночного неба, а только отдавал тенями парковых деревьев, и в небесной мгле красовалась звездная синева, на душе стало спокойней и легче, и только книга, как свинцовая глыба, давила, превращая все в тихую тоску.

Следующий день ее вымотал больше обычного, Доминика проводила частичную экскурсию центра, показывала, где что находится, первое, что ей сразу бросилось в глаза, это опять тот же знак биологической безопасности, который с утра, подвешенный на цепочке, вручила ей Доминика, он не давал ей покоя, и она все же решила поинтересоваться:

– А что это такое? Такой был у дедушки.

– Да, это и есть он, теперь он твой.

Мияко на миг задумалась, глядя в амулет в протянутой ладони, почему так, сначала книга теперь еще и амулет, но это была память, она тихо приняла послание своего дедушки и надела на шею.

– Где он сейчас?

– Все там же.

– Почему, почему ему не помогут?

– Он уже слишком стар, и это была его воля, теперь этот амулет у тебя, это не просто амулет, это жетон-пропуск, система автоматически считывает его и дает доступ ко всем закрытым данным.

Пока они шли по парку, Мияко все смотрела на тот же знак, возвышающийся на вершине пирамиды, почти такой же, как на шее, огромная копия, выполненная все из того же материала, излучающего слабое мерцание в ночи.

– А почему вы называете его знаком биологической безопасности, а не наоборот? – задала главный интересующий вопрос Мияко.

– А все просто, потому что мы АББ, Ассоциация биологической безопасности, нас интересует в первую очередь безопасность, а не опасность, последней в наши дни, ты знаешь, хватает в достатке, начиная от неуправляемого генного модифицирования и так далее, все так быстро и не перечислишь.

– А мой дедушка каким-то образом имеет отношение ко всему этому, он ведь не был великим ученым, каков его вклад? – запыхавшись, спросила Мияко, поднимаясь по лестнице большего основания пирамиды, главного здания, центра всего великолепия.

– Хорошая зарядка, правда? – улыбнулась Доминика, наблюдая за тем, как Мияко изрядно подустала, торопясь за ней.

– Ну ничего, поначалу всегда так, привыкнешь.

Мимо, вниз, уже мчались группы людей, были среди них и совсем молодые, ровесники Мияко. Держа планшеты странной формы, они все шли в парк, сопровождаемые гидами, Мияко сразу поняла – это преподаватели, учебные группы занимались в парке под открытым небом, а как быть с тем, когда погода не ладилась, интересно, как у них строилась система образования, Мияко с интересом наблюдала за всей проходящей мимо процессией, посмотрела на часы, почти десять утра, да они запаздывали, значит, сегодня в группу она еще не попадет. Доминика сбавила шаг, наблюдая за все возрастающим любопытством Мияко, развела руки в стороны.

– Как видишь, будешь учиться здесь, все просто, это учебные группы.

Один из проходящих мимо преподавателей кивнул в знак приветствия, как бы отвечая на высказывания, широко улыбаясь.

– Будешь теперь с нами, – обратился к Мияко проходящий мимо парень, наверно, ученик, и было в этом что-то необычное, да, все эти ученики, Мияко сразу осознала, они были все обычные люди, ни у кого не было ни чипов, ни имплантов, только вот непонятно, какое они место займут в обществе, как они будут жить дальше, какую функцию выполнять.

– Они все такие же, как я, – обратилась Мияко, обгоняя свою спутницу.

– А я же тебе говорила, тебе тут будет легко.

– Правда, как-то полегче стало, вот бы дедушка с нами был тут, а что дальше, когда они закончат обучение, что потом, куда будет лежать их путь?

– А ты такая же догадливая, как твой дедушка.

– А что потом, когда они заканчивают обучение, что потом, они же не вписываются в общий контекст жизнеустройства, как быть дальше?

– Вот про это я и говорю, что ты догадливая, я знала, что ты про это спросишь.

– Может, ты мысли умеешь читать? – совсем дружелюбно парировала Мияко.

– Может быть, – подмигнула ей в ответ Доминика.

– Они все будут работать здесь, это будущие специалисты АББ.

– А кто их родители?

Они уже взошли на верхнюю площадку, откуда все так же открывались восхитительные виды парка и прилегающих окрестностей, а Мияко все никак не отставала с расспросами, ее даже посетила мысль, не надоедает ли она.

– В большинстве их родители являются действующими сотрудниками нашего центра. Сейчас я тебе вкратце проведу небольшую экскурсию, и, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров.

– Это вы о чем? – уже у самого входа в пирамиду спросила Мияко.

– Это я имею в виду, чем дальше, тем интересней.

С этими словами створы дверей распахнулись, и пара вошла в уже знакомый огромных размеров единый холл пирамиды, весь входной ярус представлял из себя одно огромных размеров помещение с колоннами, четыре входа с разных сторон и прозрачные круглые шахты с маячившими вверх-вниз лифтами, Мияко заметила, как в лифт зашел человек в белом халате с планшетом в руках, и тот стремительно умчался, только не вверх, а вниз, оказывается, данное многоярусное сооружение уходило не только в высоту, но и в глубину. Всюду слонялись люди, носились ховеры, и действительно, на каждом ховере располагался один человек, вот почему в прошлый раз им было так неудобно. Доминика пошла к ближайшему из лифтов, Мияко последовала следом, среди множества разнообразия и больших размеров первого яруса дальний вход даже не удавалось разглядеть, как она только ни пыталась. Множество колон, и если приглядеться, то становилось ясно, что лифты располагались по всему периметру через определенное расстояние. Доминика подошла к лифту и пальцем указала на наручный браслет у Мияко.

– Что?

Она сразу и не поняла, о чем идет речь, Доминика достала свой нашейный жетон, как и у всех выполненный в стиле знака биологической безопасности, затем подняла правую руку и показала на своем запястье аналогичный браслет, Мияко его сразу и не заметила, но, как оказалось, подобный был и у нее, значит, дедушка знал все заранее, знал, что она попадет сюда, из-за этого у нее не было ни одного импланта или вживленного чипа, все данные находились в ее браслете, она сразу поняла, откуда он его взял.

– Вот видишь.

Доминика потрясла своим жетоном рядом с браслетом.

– Они работают аналогично, что жетон, что браслет, идентификационные чипы, все твои данные там, плюс открывает любую дверь. Просто подносишь сюда.

Она показала на маленький светящийся монитор-сенсор, и дверь в лифт сразу распахнулась, жестом пригласила Мияко пройти первой и ступила следом, лифт плавно тронулся и поплыл вверх.

– А если я чужой браслет надену или мой кто наденет?

– Так не выйдет, работать не будут, что жетон, что браслет, они считывают геном человека, у каждого индивидуальный код, – словно командир, скороговоркой пробормотала Доминика, Мияко сразу представила их взаимоотношения с дедушкой, когда они вместе служили, наверное, вот так ей командовал ее дедушка, все точно, ясно и понятно, без лишних колебаний. Лифт остановился, они вышли в помещение, по строению аналогичное нижнему ярусу, одинаковые колонны, только размерами оно было меньше и заставлено различным оборудованием попеременно с множеством растений, растущими то тут, то там. Навстречу вышел средних лет русоволосый ученый, с бородкой, пронзительным взглядом, казалось, что этот взгляд смотрит прямо в душу, он видит все насквозь.

– А это кто у нас тут?

Изучающим взглядом он посмотрел на Мияко, как бы оценивая, где-то там, в уме, прикидывая, что стоит ожидать от этого маленького человека.

– Его внушка? – совсем просто спросил он Райя.

– Да, она самая.

– Ведущий специалист, доктор Владимир Иванович Колягин, – более мягким тоном представился он Мияко, та даже не знала, что сказать, Колягин не стал вводить в заблуждение еще неокрепший ум маленького человека, тем более пережившего стресс, и пригласил за собой, показывая нескромную по размерам лабораторию генной инженерии, Мияко шла следом и от удивления и разнообразия всего увиденного даже не успевала слушать Колягина, временами переводя взгляд то на Доминику, то на доктора, который, в свою очередь, как диктор, не уставал вещать, пытаясь посвятить неподготовленного человека в то, чем они тут занимаются.

– Всем вновь прибывшим мы сначала частично показываем наш центр и те места, где им придется проходить обучение. Сейчас мы находимся в лаборатории генной инженерии, тут мы изучаем геном всех возможных живых организмов на планете Земля и возможности использования наших достижений на практике. И ты знаешь... – Он остановился, серьезно посмотрел на Мияко сверху вниз, делая деловое выражение лица, Доминика беззаботно шла следом, затем перевел взгляд на Райя и добавил: – Неплохо продвинулись в этом направлении!

Мияко рассматривала странную аппаратуру непонятного ей предназначения, множество голографических мониторов, заполненных разнообразными столбцами данных, все было так необычно и непривычно для нее и в то же время увлекательно, на миг она даже забыла о дедушке и о том, что постигло их маленькую семью в недавнем прошлом.

– Те лавочки в парке из странного дерева, – Мияко указала в панорамное окно, рукой обращаясь к профессору Колягину.

– Это наша работа, если быть точнее, вырастили их в другом месте, скажем так, запланировали тут, сконструировали в другой лаборатории, а вырастили в третьей.

– Ого, это у вас три таких лаборатории!

– Нет, они все разные, и предназначения у них разные, такая только одна, это лаборатория генной инженерии и моделирования, есть еще генного конструирования и экспериментальный отдел, они все находятся в нижних ярусах, ну, еще парк, он тоже относится к экспериментальному отделу, – вмешалась в разговор Доминика, поясняя все в подробностях, увлекая за собой непосвященного и неподготовленного, но тем не менее обескураженного от всего увиденного человека, а профессор, как граммофон, все не унимался, продолжал вещать на всех частотах о достоинствах и достижениях его лаборатории, о квалификации его подчиненных и важности их деятельности, и было из первых слов понятно, насколько увлечен этот человек, все, что она видела вокруг, буквально вся жизнь Колягина, без которой он не мыслил свое существование. Доминика увлекла Мияко дальше, и они продолжили осмотр центра генной инженерии.

Все время, когда они шли из лаборатории, Мияко обдумывала сказанное Колягиным, она автоматически вспомнила о тех постоянных посетителях, которые без усталости продолжали приходить к ним домой и рекламировать разные услуги «Ин Транс Корпорейшн», и все ей казалось обыденным, как будто так и должно быть, жизнь шла своим чередом, и если бы не случай с дедушкой, возможно, никаких бы потрясений и не происходило, и все же ей было многое непонятно. Они зашли в лифт, тот мерно тронулся и плавно поплыл вниз, в стеклянном сосуде лифта все хорошо просматривалось, пролетающие ярусы, мечущиеся по своим делам люди, и для чего это все, ей все же было непонятно, и если те рекламные агенты ИТК объясняли, и все было ясно, то тут не все так просто, наверное, так же этих агентов не понимал ее дедушка, как она недопонимает порой Доминику.

– Так вы центр генной инженерии, так? – спросила она уверенным тоном Доминику, теперь она решила быть наверняка, устроить ей настоящий допрос, что да как.

– Ну, в основном да, но не только, вообще мы научная организация, а также благотворительная и много еще чего.

и сразу возникал вопрос, каково же истинное назначение данного сооружения в центре громадных размеров аквариума в центре еще более больших размеров куполообразного помещения. Да, аквариум был действительно удивительный, и вода в нем казалась такой чистой, что Мияко невольно захотелось пить. Она обратила внимание на крадущуюся спереди Доминику, кажущуюся ей балансером на шесте, вымеряя каждый шаг, она следовала ближе к гигантскому сооружению и жестом велела Мияко последовать ее примеру. Не сомневаясь ни минуты, она последовала следом маленькими шажками, крадучись, и уже через какое-то время таких нехитрых манипуляций они находились совсем близко, настолько, что можно было более подробно рассмотреть зеленый цилиндр, сделанный из металлической сетчатой конструкции своеобразным образом. Внутри сигарообразная сетчатая колонна оказалась полой, и все свободное пространство заполняли водоросли, очень длинные и широкие, иногда они выпускали зеленовато-мутную суспензию, которая тут же терялась в голубоватом свечении. Мияко наблюдала за всем и никак не могла понять, почему водоросли зеленые, а свечение голубое, и она поняла, источник света был снаружи. Множество голубоватых гирлянд, цепочкой рассыпанных на определенном расстоянии от цилиндра в разнообразном переплетении с мутноватым мерцанием. Гирлянды рассыпаны не только по поверхности цилиндра, но и в свободном плавании в водной пучине аквариума. Мияко тихо на цыпочках подкралась еще ближе, одна из гирлянд развернулась и поплыла к стенке аквариума, в синеватом мерцании Мияко заметила очертание непонятной фигуры, которая в следующий миг распрямилась и поплыла вверх вдоль стенки аквариума. Как оказалось, прозрачное существо внешне напоминало ската, только огромных размеров и практически прозрачное, местами покрытое гирляндами голубовато-узловатых образований, излучающих слабое мерцание.

– Что это, на ската похоже? – вполголоса, шепотом спросила она у Доминики.

– Это и есть скат, – так же тихо последовал ответ.

– Какие огромные, это и есть ваше достояние?

– Да, видишь цилиндр в центре?

– Вижу, а еще водоросли в нем.

– Так вот, это не просто цилиндр, это кормушка, они существуют по принципу симбиоза, и не простого, а тройного симбиоза, когда скаты нужны нам, водоросли нужны им, а мы нужны водорослям, идеальное сосуществование, и все довольны.

– Ого, а в чем подвох, зачем они нужны вам?

– Это не просто аквариум, это огромный генератор, и не ядерный, не тепловой, и гидроэлектростанция тут ни при чем, а самый что ни на есть живой, да, живой генератор. Водоросли живут колониями, частично питаются энергией фотосинтеза, частично минеральной смесью, которая поступает в аквариум через верх, через специальные каналы. Они вьющиеся растения, им важно за что-то цепляться и плестись, находясь как бы в подвешенном состоянии. У них есть и отходы жизнедеятельности – зеленая суспензия, которую они выделяют, она покрывает всю сетчатую поверхность, скаты ей питаются, прилипают к цилиндру и питаются, цилиндр в центре аквариума – большая кормушка для всех находящихся тут скатов, их и не разглядеть, если не присмотреться, но ты и так видишь, цилиндр весь окутан гирляндами, это прилипшие скаты, они кормятся.

– А при чем тут генератор?

– Когда они кормятся, то выделяют огромное количество энергии, просто колоссальное для живого существа, да и размерами они немаленькие, ты сама видишь. А мы используем эту энергию в своих нуждах. Эти творения – дело рук профессора Колягина, такой генератор у нас один, и его с излишком хватает, чтобы снабжать энергией весь центр круглые сутки и без перебоев.

– А если они все разом отпадут или их кто спугнет?

– Перестанут кормиться? Нет, они очень часто кормятся, иногда им даже места не хватает, один другого сгоняет, одного такого ты уже видела, плавал тут. Спугнуть? Ну, теоретически возможно, хотя всех не спугнешь, как ты уже поняла, мы с тобой разговариваем, и ничего из этого дурного не вышло.

– Разулись для чего?

Мияко хитро подмигнула собеседнице, как бы указывая на босые ноги.

– Это так, меры предосторожности.

– Значит, вы все-таки остерегаетесь? – никак не отставал упертый ум.

– Нет, скорее всего, не хотим лишний раз доставлять неудобства нашим друзьям.

– Так как же понимать этот симбиоз, если эти существа находятся вне воли? – не унималась Мияко, и действительно, было многое непонятно, и ее любопытство брало верх над воспитанной скромностью и навязанной дедушкиным примером сдержанностью.

– Их ареал обитания генетически обусловлен местом пропитания, в идеале, как утверждает профессор Колягин, если бы они существовали в природе в таком же неизменном виде, то основной их целью был бы поиск подобной пищи, и в лучшем исходе, если бы они ее находили, то там бы и размножились, пока не съели бы всю, посмотри на аквариум, он просто огромный, своего рода океанариум, им вполне хватает места.

– А если размножаться, куда будете девать?

– Цикл развития у них не очень быстрый, и второй генератор не помешает, – победной речью закончила Доминика. – У нас полное взаимопонимание, симбиоз, ни капли паразитизма.

– Как же тут определить грань, где симбиоз, а где паразитизм, ну, например, домашнее животное, у них что, получается, паразитизм, они используют нас?

– Нет, ну тут на самом деле ни то и ни другое, домашние питомцы являются своего рода заложниками навязанного им нашего жизненного отношения.

– Ну а здесь то же самое, эти скаты – они тоже заложники, – не собираясь отступать назад, вполголоса заявила Мияко.

– Мы полностью обеспечиваем их потребности, не нарушая их ареал обитания, так как они были созданы нами и в свободной природной среде их нет, можно считать, что это симбиоз. Ведь ты же не можешь обеспечить ареал обитания своему питомцу в идеале, ему приходится жить в совершенно чуждой для него среде, а это очень большая, я бы сказала, по-нашему духовная нагрузка на любое живое существо, и ему приходится адаптироваться, переламывать себя, перестраиваться генетически с поколениями, тут, скорее, паразитизм с нашей стороны, или одностороннее решение.

– И здесь почти то же самое, – указала в сторону аквариума Мияко. – Да, ареал их – водная стихия, но настоящий симбиоз был бы, если бы вы установили такие же кормушки в открытом океане, а они бы там кормились, имея полную свободу и абсолютный ареал. А мы бы получали энергию.

Доминика посмотрела на Мияко вполне серьезным видом, застряв буквально на полуслове, не в силах ничего сказать, да, она понимала, что предложение было действительно удивительным, и с точки зрения эксперимента можно было предложить Колягину, но самое интересное – все как бы знали об этом, но не додумывались с полным осознанием дела и важности, какие успехи мог принести данный эксперимент. Мияко повернулась и пошла обратно, а Доминика все смотрела ей вслед, переваривая сказанное, пытаясь сообразить, как ребенок мог поставить ее в тупик, ее, ту самую, что столько времени отстаивала право на существование АББ. Последнее время все чаще стали нападки со стороны ИТК, их информационные агентства все сильнее давили на информационное поле, что создавало неопределенную ситуацию для частных компаний и корпораций, финансировавших разработки, и все усердней приходилось доказывать важность их исследований и необходимость их философской концепции. Доминика часто думала, что если они падут в этом противостоянии, то дальше уже никто не станет

бороться и мир захлестнет все изменяющаяся ситуация техногенного развития. Она на миг представила Мияко, которая так просто и без принуждения доказала истинную суть симбиоза, когда действительно виды сосуществуют без принуждения, а во взаимной необходимости друг в друге. И это то настоящее будущее, за которое она была готова положить все на свете, для которого пожертвовал собой ее дедушка, ради собственного примера, чтобы только видела внучка, что есть вещи намного важнее, чем даже собственная жизнь. Доминика вывела себя из ступора и так же не спеша двинулась обратно к месту, где они сняли обувь, туда, где ее уже ждала Мияко. Затем они вышли в парк, смотрели на разнообразие растительного мира, светлые аккуратно выложенные дорожки и сделанные из все того же дерева фонтаны.

– А что это за дерево такое, из которого сделан аэромобиль?

– Это тоже творение профессора Колягина, мы их выращиваем в заповеднике неподалеку отсюда, скажем так, тоже экспериментальная зона, генетический модификат обычного дуба, при определенной температурной обработке пластифицируется, становится просто необычайно прочным, и самое интересное, что при дальнейшем нагревании не горит, но тем не менее разлагается так же, как и обычное дерево, реагирует на влагу, только цикл разложения намного дольше, экологически чистый материал и возобновляемый ресурс, выращивай сколько угодно, еще одно наше спасение во всех планах.

– Вы постоянно говорите о спасении, как будто вы утопающий, спасение от чего?

– Видишь ли, мир стремительно меняется, но я бы сказала по-другому: мир стремительно меняют, изменения и прогресс очень глубоко вошли в нашу жизнь.

– А что в этом плохого?

Доминика отметила про себя, что Мияко очень любопытная, как и ее дедушка в свое время, он был так же неопределен, личность в постоянном поиске ответов, его никогда не устраивала общепринятая позиция, и он продолжал искать, пытался заглянуть в суть вещей.

– Изначально вопрос нужно ставить не так, не хорошо или плохо, а в направлении, в каком направлении ведет человечество тот прогресс, который мы наблюдаем. Вот посмотри, пойдём со мной.

Доминика повела по аллеям, минуя множество архитектурного разнообразия, и остановилась у одного из фонтанов, большого, он располагался не в центре паркового комплекса, на окраине, но тем не менее площадь вокруг была освобожденная от излишних насаждений. Стояла ясная погода, что создавало состояние уюта и умиротворения. Рядом с фонтаном расположилась небольшая группа людей, всего человек шесть, одетых в светлую униформу, тихо, спокойно вели беседу, у каждого небольшой наручный планшет.

– Вот такие у нас образовательные группы, – и с этими словами уселась рядом, никто даже особо не заметил, шла тихая, мирная беседа, Мияко подседа и успела отметить про себя, что разница в возрасте у отдельных участников небольшой группы была разная, самый старший оказался преподаватель, больше девятнадцати лет она ему дать не могла, он даже не смутился от присутствия новых участников их группы и продолжал вести диалог таким образом, что он казался вполне равноправным и перетекал в область беседы, ей стало интересно такое простое общение, и она спросила у парня с голографическим планшетом в руках, которого и приняла за преподавателя:

– А сколько по времени длятся у вас занятия?

– Точной фиксации времени нет, примерно в среднем сорок-пятьдесят минут, – за преподавателя ответила совсем юная девочка лет девяти, она сидела ближе всего к Мияко.

– А там уже посмотрим, как дело пойдет, уровень вовлеченности и интереса, может, и больше, и бывает намного, – добавил молодой парень, к которому обратилась Мияко.

– Мы занимаемся обучением, и не только предметным, но и философским, это направление у нас преподается с ранних лет, дети лучше воспринимают тонкую и сакральную информацию, формируя свое мировоззрение.

Беседа проходила легко, постепенно вовлекались все, никаких строгих рамок, одна выбранная тема, и каждый от себя пытался пояснить Мияко интересующие ее вопросы.

– Меня зовут Настя, а тебя как?

Самая молодая участница группы подседа к Мияко поближе.

– Мияко.

– Это Роат.

Она указала на преподавателя.

– Саша, Кирилл, Дарьяна и Бэй.

Она указала на последнего, светлого китайского мальчика, все кивнули в знак приветствия.

– Но а какая разница, какой предмет тогда преподавать? Я думала, они распределены по возрастам по степени сложности.

– Вот как раз философию и надо преподавать как можно раньше, поскольку в более раннем периоде человек формируется с системой ценностей и стереотипов, которые могут мешать ему в полной мере понять и, главное, осознать различные философские положения, что иногда приводит к полному недопониманию и отбрасыванию данного направления изучения в область ненужных практик, – вполне спокойным тоном пояснил Роат. – А такое положение, как поведенческий акт человеческой личности или, как ее в другом месте именуют, психология, мы также включаем в структуру философских знаний.

– Но ведь философия – это наука наук, которая задает тон движения и мировоззрения в научной отрасли.

– А откуда ты это знаешь? – спросил Бэй.

– Я у дедушки это читала.

– Читаешь книги? – поинтересовалась Дарьяна.

– Ну, так, немного, дедушка иногда требовал читать живые книги.

– Это хорошо, ты все так говоришь, но ведь человек – это психический объект, что и требует рассматривать все философские вопросы с психической точки зрения.

– А почему у вас возрастная разница?

– Это позволяет передавать практический опыт в знаниях, принцип диалога стимулирует познавательную деятельность, плавное разграничение возраста снимает возрастной порог и убирает дискомфорт при обучении, даже сейчас ты обучаешься.

Мияко задумалась, посмотрела на Доминику, та сидела и спокойно улыбалась широкой улыбкой, все засмеялись, она даже не поняла, как вошла в процесс обучения, влилась в группу.

– А что вы сейчас изучали?

– Как видишь, мы пытаемся разобрать связь философии и психологии, также разбираем нашу систему образования и еще знакомимся с тобой, – так же весело ответила Настя.

– Спокойно у вас тут, – совсем раскованно обратилась Мияко к Насте.

– Деревья, природа, вода, свежий воздух, а еще у нас тут есть побережье, давай я тебе покажу, хочешь? – спросил Роат у Мияко, та в ответ кивнула головой. Роат повел Мияко вглубь парка, петляя между аллеями, по пути попала небольшая цветочная поляна, усеянная клумбами, Мияко заметила еще одну небольшую группу детей, так же как и предыдущую, разных возрастов, она сразу определила преподавателя, уже весьма взрослая женщина копалась в цветах, что-то высматривая, а может, сажая, ученики были увлечены процессом, она обернулась, понимая, что Доминика осталась там с той группой, и ее это совсем не взволновало, сама обстановка благоприятствовала, только временами в памяти всплывал дедушка, и на душе как-то сразу становилось пасмурно.

– Доминика осталась там, ты не переживай, ты ее еще увидишь много, много раз, если бы кто хотел пойти с нами, они бы присоединились, я думаю, у ребят сейчас начнется вполне интересная беседа, Доминика никогда не сдастся, и, как правило, у всех учебных групп, где

она присутствует, возникает куча споров, что приводит к бурной дискуссии, – пояснил Роат, обращая внимание на Мияко.

– Ты сказал – природа, деревья, а почему не класс, аудитория?

– Все в этом мире имеет значение и все взаимосвязано, помещение, замкнутое пространство – через определенный цикл это все надоеет, будет проявляться определенный дискомфорт во взаимосвязи с другими факторами, это будет мешать обучающему процессу, это еще заметил Сократ, он один из первых начал практиковать повивальное искусство, к обучению нужно подходить, опять же, с философской точки зрения и задать себе самый главный вопрос, мы обучаем, вдалбливаем, учим или же даем знания.

Мияко окончательно запуталась.

– А в чем разница между тем, что ты перечислил, вдалбливание – это понятно, это когда тебе навязывают, ну а между обучением и даванием знания?

– Дать знания – это передать полный образ того, что мы хотим постичь, передать во взаимосвязи с другими явлениями, тогда у человека появляется целостная картина мира, а просто обучать – это преподавание разрозненных понятий. И самое главное, учебный процесс должен быть сам по себе увлекательным, поэтому мы пытаемся достичь максимума свободы, используя принцип свободного диалога, программы жестко не привязываются по времени, а самое главное – это начальное воспитание, если сейчас везде этого достигают с помощью специальных так называемых расширителей сознания, имплантов и прочих вещей техногенного характера, то мы пытаемся выработать иной процесс, одной из самых главных проблем нашего времени является какая?

– Память?

– Совершенно верно, как ты догадалась?

– Я на самом деле была не очень успешной у нас в группе, многие ребята, почти все, использовали расширители виртуальной памяти, сейчас они стали в моде, «Ин Транс Корпорейшн» продвигает их по всему миру.

– Верно, а какая их цель? Это доступ к полученной ранее информации, если их убрать обратно, то, как оказывается, человек вообще атрофируется, и его способность извлечения информации из памяти падает вдвое, профессор Колягин называет такое явление процессом отката, и самое интересное, что сам испытуемый этого не замечает, в связи с этим немного меняется алгоритм работы сознания, и испытуемому приходится буквально тренироваться, чтобы опять включить данный механизм.

– То есть он как бы падает вниз.

– Совершенно верно, и этот эффект заметен на всех имплантах расширения сознания, и не только имплантах, но и на веществах, таблетках. Он также проявляется в измененных состояниях сознания, а между тем, как нам уже давно известно, предела в нормальном состоянии практически нет, можно расти, а не падать, и не применять никаких расширителей.

– Тогда, если это плохо, почему они предлагают их всем людям?

Они уже шли по побережью, где располагались еще несколько обучающих групп, вышли на вымощенную резной плиткой дорожку, ведущую вдоль, а Мияко, увлеченная беседой, даже не замечала, как наступал вечерний полусумрак.

– Мир стремительно изменяется, и люди сами этого хотят, никто их насильно не заставляет их использовать, мы не можем говорить, что это плохо, просто это одно из направлений человеческого развития, имеющее обратную сторону медали, кто понимает, тот приходит к нам, мы стараемся помочь им, таких центров у нас несколько по всей планете. На финансирование, которое мы получаем от частных корпораций за наши разработки, и за счет патентов мы строим новые, особенность этого центра лишь в том, что он совмещает в себе исследовательские лаборатории.

– А разница в возрасте учащихся – что это, почему так?

– Вот, например, если маленького ребенка будет обучать языковым системам взрослый человек, это будет одно, но тогда времени потратится намного больше, а вот обучение от ребенка немного постарше, да еще если это будет происходить в интересной обстановке и этот интерес будет обусловлен взаимностью, то прогресс будет колоссальный, у нас система построена по принципу взаимной обучаемости, ты сейчас понимаешь, что тебе интересно, посмотри.

Мияко посмотрела в сторону, куда указал Роат, и заметила то самое побережье, они уже определенное время идут вдоль, еще несколько групп, и одна даже занималась гимнастикой, разбившись на пары.

– Ты даже не заметила, что мы у побережья, а на самом деле я сейчас тебя обучал, и когда ты будешь входить в суть понимания более сложных процессов обучения, полностью с глубиной осознавать их, строя собственные модели мирознания, тебя будет затягивать еще больше, ты будешь становиться старше, твой учителя тоже, и в итоге ты тоже будешь обучать по мере взросления, своего рода замкнутый круг, самый старший обучает того, кто моложе, и так далее, мы все тут учимся и одновременно развиваемся, изучаем, накапливаем знания.

Мияко сразу вспомнила свою группу, много учеников, каждый сидел за отдельной партой с подключенной к ней кучей гаджетов, ее сверстники, как правило, одного возраста и на одинаковом уровне знания предмета, соблюдалась строгая тишина, и что самое интересное, многие использовали разные вживленные импланты расширения сознания, техногенный мир их полностью менял как снаружи, так и в глубине их имплантированного разума. Были и особенные, которые обучались дистанционно, по отраслям знания, объем информации большой, и, идя в школы, семье предлагалось пройти специальный тест, предполагающий вживление чипа для сканирования коры головного мозга. Чип также выделял особые генетические предрасположенности и совмещал в себе функцию электронного паспорта с информацией персональной биометрии. Затем семье сообщались данные, к чему их ребенок больше всего предрасположен, и предлагали выбрать курс обучения, для более состоятельных семей последнее время предлагали особые курсы и дистанционное обучение, что полностью исключало физическое присутствие человека на занятиях, Мияко не могла себе позволить всего этого, ее дедушка имел принципиальную позицию, объясняя это тем, что человек должен делать все сам, а не с помощью протезов, так он их называл. «Сейчас за нас думают импланты, а завтра за нас кушать начнут, а что послезавтра, нас вообще не станет?» И только сейчас она находила подтверждение дедушкиным словам.

– Роат, и каков успех вашей методики обучения? – вырвала себя из воспоминаний прошлой жизни Мияко.

– Теперь уже нашей методики. Успех ты уже сама видишь, время позднее, а мы все еще продолжаем что делать?

Мияко задумалась, к чему клонит ее собеседник.

– Правильно, продолжаем научиться. Передавать друг другу знания, – закончил за нее мысль Роат. Мияко даже и не заметила, как день подходил к концу, настолько оказалось увлекательным первое показательное знакомство, перетекающее в активное обучение. Было даже непривычно понимать, что вот так свободно можно себя чувствовать во время занятий. Роат проводил Мияко к их дому, Доминика была уже там.

Дневная прогулка по комплексу дала о себе знать, ноги непривычно ныли, отдавая приятной болью.

– Ну, как тебе наша первая экскурсия по ЦББ? – поинтересовалась Доминика.

– Очень даже ничего, – улынулась в ответ уставшая Мияко. – Интересно вы проводите тут занятия, нет никаких имплантов, специальных программ.

– Здесь все так, как должно быть с нашей точки зрения, именно за это боролся твой дедушка.

– Боролся с чем? – все никак не могла понять Мияко.

– С напирющей реальностью, с тем, что ты видела до этого, имплантация, информационные технологии, важно помнить, с какой целью это все используется.

– Это да, но вы ведь тоже используете информационные технологии, и зачем вам бороться, у вас и так такой большой исследовательский центр, и, как я поняла, не один, – парировала Мияко, и, как оказалось удивительным, их разговор переходил в область широкой дискуссии, приправленной долей споров и доводов, в одном случае Мияко соглашалась, а в другом Доминика говорила некими загадками, она уже успела понять, что Райя оставляет все на потом, чтобы показать на примере, разрывая все сомнения.

– Я поняла, завтра вы мне покажете еще что-то очень интересное.

Доминика расширила глаза с выражением, будто ее застали над чем-то тайным, чем-то, что она хотела скрыть, но не смогла.

– Ух ты, а как ты догадалась? Ты тут много чего интересного увидишь, но не завтра, всего понемногу.

Почти весь следующий день провели в экскурсиях, и Мияко довелось посетить еще несколько учебных групп, притом что все это происходило в такой последовательности, что буквально вся жизнь молодого нового человека проходила в затягивающем процессе обучения.

Она уже начинала отвыкать от той, старой жизни. Доминика забрала ее как ассистента в свой отдел, корпус занимался исследованиями проявления человеческого сознания в органической и неорганической среде. А уже через год ей довелось посетить центр роботизированных технологий ИТК («Ин Транс Корпорейшн») по программе обмена исследований.

Дверь в кабинет отворилась совсем тихо, Доминика что-то чертила на обычной голографической доске, Мияко тихо подошла.

– Ну, как тебе их лаборатории?

Она удивилась чутью Доминики, тому, насколько она была собрана.

– Их сотрудники, они не такие, как мы, много технологий имплантирования, изменения сознания, очень интересно и познавательно.

– Что они хотели от тебя? – обычным тоном спросила Доминика.

– Я разбила их очередной миф. Не знаю, как можно найти решение данной проблемы. Они уже не один год бьются над созданием психотронных киберорганизмов, предлагают сотрудничество, им нужны наши наработки.

– Это очень хорошо, пока мы нужны большим транскорпорациям, у нас есть шанс существовать немного дольше, – продолжая набрасывать схемы, ответила Доминика.

– Ну а если нашу сферу деятельности перебросить на все человечество? – изучая схемы, спросила Мияко.

– Человечество? Ты думаешь, ты нужна человечеству с деревьями, биогенераторами и всеми знаниями, которые мы накопили здесь и над которыми продолжаем исследования? Эти знания по большей части нужны большим компаниям, которые выделяют нам гранты на исследования, поскольку наш результат им нужен для решения своих задач, а человечеству проще вживить себе имплант расширения сознания, и неважно ему, будет стоять у него в мозгу железная или органическая штукавина, главное, чтобы память работала как часики, по секундам. Никому не нужно читать огромные тексты данных и пытаться что-то понять, когда проще их сразу загрузить, а все остальное время потратить на получение удовольствий, состояния измененного сознания сейчас в моде как никогда. Ты все еще веришь в то, что кто-то возьмет в руки кисть и начнет рисовать на холсте или будет писать от руки?

Мияко слушала все, и с каждым проведенным временем здесь, среди всех этих людей, она многое начинала понимать, понимать дедушкины слова тогда, давно, когда он говорил их ей. «Скоро никто не будет держать вот такие книги в руках». Он трусил обычной книгой и проговаривал это с печалью, и тогда она думала, что ее дедушка всеми руками держится

за прошлое и держит ее там, что нужно было двигаться вперед. Именно к этому призывал постчеловек на огромном голографическом стенде над их учебным центром, где она все это время училась, пока ее дедушка все еще был здоров.

– Мы все прекрасно можем обходиться и без имплантов, мнемотехники, разработанные нашими специалистами, позволяют нам запоминать большие объемы данных и использовать их более качественно, нежели использовать имплантацию памяти, более того, память человеческого мозга практически бесконечна, не говоря уже о генетической памяти.

Мияко чувствовала, что опять вступает с Доминикой в полемику.

– Может, ты скажешь это человеку, который ширяет по десять кубиков нитродоза и полдня летает в облаках, а с помощью этого нейромедиатора его имплант работает в тысячу раз быстрее, и ему совсем все равно, что его воспоминания могут мешаться между собой, что приводит к так называемой дезориентации, диффузии памяти и расстройству некоторых личностных функций? Его просто на следующий день отведут в центры банка памяти, где хранится его копия воспоминаний, и все просто, ему не нужно сутками сидеть и работать над собой, мы просто не будем пользоваться спросом, да, наши скаты пользуются успехом, так как это очень целесообразно экономически, но если люди не хотят работать над собой, то и наши предложения будут бессильны. Тем более что мы давно уже над этим работаем, но, как видишь, далеко пока не уехали, – твердо ответила Доминика, и Мияко что и оставалось, так это согласиться, так как аргументов просто не было.

– Им просто никто ничего не говорит, люди живут в другом информационном поле.

– А вот с этого и нужно было начинать, теперь ты подходишь к пониманию того, с чем боролся твой дедушка все это время, и пока мы нужны определенным силам и нуждам огромных компаний, мы будем существовать, а это драгоценное время нам нужно для того, чтобы идти к нашей цели. Владимир Иванович Колягин и его команда неплохо двигаются в этом направлении.

Мияко постояла, в голову пришла идея, нужно сходить и порасспрашивать об этом Колягина.

– Сходишь к нему – возвращайся обратно, поможешь мне.

– А-а-а, как ты узнала?

– Все ожидаемо, я же вижу твой интерес.

Она кивнула в ответ, когда уже на бегу выходила из комнаты.

У Колягина царил дискуссия. Несколько учебных групп, представители ИТК и еще несколько компаний что-то бурно обсуждали. Мияко тихо подобралась, чтобы никого не беспокоить, рядом с Колягиным стоял человек с бледноватой кожей и вживленным имплантом в затылок, Имплантированный, пришла в голову мысль.

– Насколько перспективны ваши исследования, сколько нам предстоит еще ждать, чтобы получить первые результаты? – задал вопрос один из представителей ИТК, по лицу доктора Колягина было видно, что он изрядно напряжен, беседа с этими людьми утомляла его. Мияко не спеша протиснулась к центру поближе к Владимиру Ивановичу и спросила у одного из его помощников:

– Кто все эти люди?

– Это одни из спонсоров наших исследований, во главе с представителями ИТК.

– А вы кого представляете? – услышал их разговор представитель влиятельной корпорации и напрямую обратился к Мияко, казалось, он этим вопросом хотел поставить ее в тупик.

– Я занимаюсь исследованиями в области сознания, – спокойно ответила Мияко, она даже не знала, откуда у нее появилось столько уверенности, и чем больше она вступала в диалог, тем более уверенность превращалась в тихую ярость.

– И каков успех ваших исследований?

С этими словами, обращенными к Мияко, он посмотрел на профессора, как будто обозначаая, что вопрос был обращен к обоим одновременно.

– А каков успех ваших исследований? – напористым тоном задала ответный вопрос Мияко. Увидев такую дерзость, глаза Колягина от удивления стали больше, он не ожидал такой прыти от молодого помощника и ученика в одном лице.

– О-о-о!! – с усмешкой протянул представитель ИТК, обведя взглядом своих коллег.

– Только насмеяться умеете? – послышалось в ответ со стороны Мияко, она не собиралась сдаваться.

– Понимаете ли, мы давно не видим перспективы в ваших направлениях и хотим урезать часть финансирования, если вы, конечно, не сможете доказать нам обратное.

Он опять обратился к инвесторам:

– Но если вы парировали мой вопрос, не в силах дать адекватного ответа, то в отличие от вас у нас есть что предложить.

С этими словами он указал на имплантированного человека.

– Очередная имплантация, такие импланты есть у вас у всех, и что с этого, – в своей манере продолжила Мияко.

– Я не имплантированный, – обычным спокойным тоном вклинился в разговор человек, на которого до этого указал представитель ИТК.

– Что? – с непониманием переспросила Мияко.

– Я искусственный, мое тело искусственно созданный носитель, не стар...

– Стоп!!! – резко на полуслове оборвала его Мияко, собеседник сразу замолчал, замолчали все, она не знала, что на нее нашло, она вышла в центр к человеку с чипом в затылке, уверенно, с видом великого эксперта, обошла его по кругу.

– В сторону!!! – сказала она одному из инвесторов, который неудобно оказался на ее пути, она обошла еще раз, внимательно осматривая вновь заявленного искусственного. Колягин встал в оцепенении, ничего не понимая, с видом нашкодившего школьника. Вдруг у нее в голове что-то щелкнуло, как будто озарение, она в один миг нашла ответ, ответ, над которым они бились с Доминикой, рисуя разные схемы, раскладывая психику человека, но, как оказалось, гениальное скрывалось в простом.

– Как долго? – уверенным тоном, как командир, она обратилась к вновь искусственному, таких компания ИТК пыталась создать постоянно и на протяжении большого периода времени.

– Вы не можете себе представить, никакого старения...

– Я спрашиваю, как долго? – повысив голос, она повторила еще раз свой вопрос, старый профессор Колягин остолбенел от такого тона.

– Что долго, вы про что? – задал свой вопрос представитель ИТК.

– А я тебя спрашиваю? – не оборачиваясь в сторону представителя конкурирующей общественной структуры, сказала Мияко.

– Ну, если ты не понял, я задам вопрос по-другому: как долго ты существуешь?

Искусственный как будто оживился, на лице появились нотки недопонимания, отличить от обычного человека его было просто невозможно, повадки, речь, эмоции, что сразу бросилось в глаза Мияко.

– Вчера провели процедуру пересадки сознания, и сегодня я уже неплохо себя чувствую в новом носителе, мое искусственное тело намного превосходит предыдущее.

Мияко резко схватила его за руку и ногтями сильно ущипнула.

– Что вы делаете!! – вырвал руку искусственный.

– Больно?

Искусственный рассмеялся в ответ.

– Совсем нет, я не чувствую боль, как вы, мои рецепторы отличаются, а роботизированный каркас настолько прочный, что если я упаду с большой высоты, мне ничем это не грозит.

Мияко резко отвернулась от искусственного, даже не обращая на его дальнейшие высказывания, из-за чего у последнего появилась нотка недопонимания, на лице появилась мимика обиды, и при всех представителях различных компаний и спонсорах спросила:

– Как прошла пересадка?

– О-о-о, вы знаете, замечательно. Что, впечатляет? Ну как вам наши успехи?

– Быстро он адаптировался?

– Да почти сразу.

Представитель сделал серьезное лицо, как на допросе, а интерес спонсоров вырос еще больше. У Колягина поперек горла застрял ком недоумения.

– А что стало с тем, от кого вы пересаживали сознание?

– Ну, его тело уже ничего не значило, поскольку все завершилось успехом.

– И вы накрыли его белой простыней!!! – продолжала давить на него Мияко. На ее гримасе появилась нотка удовлетворения, она сложила руки на груди, с вопросительным взглядом смотря на представителя компании, она уже знала, что он спросит, и просто ждала, вокруг на минуту воцарилась тишина, любопытство выросло до предела, даже Колягин подошел поближе к Мияко, ожидая развязки.

– Что вы хотите всем этим сказать, юная девушка? – весьма дружелюбно обратился к ней один из спонсоров.

– Поскольку все завершилось у них полным провалом, вы убийца, – жирной точкой закончила она речь, победно глядя на представителя ИТК.

– Что вы такое говорите!!! – недопонимающее включился проигравший, но, как известно, после драки кулаками не машут.

– А все просто, я вам сейчас коротко все объясню.

Мир задолго после нас

Сигнал непонятный, исходил из этой части галактики, если учитывать скорость его распространения, послан он был очень давно, даже трудно предположить, рассчитать легко, но в этом не было необходимости, он и так все знал, любитель старины, охотник за технологиями старых, давно минувших дней, эпох другого времени, времени, когда трансгуманизм только зарождался как полноценное проявление человеческих устремлений, многие даже не знали и не слышали, не говоря уже о содержании, так это было давно, но он знал из тех писаний, которые коллекционировал, именно с этого все начиналось, трансгуманизм был виновником того, чем мы сейчас были, он сотворил нас, а не мы его, и уже время не имело никакого значения, было неважно, какую физическую величину оно имеет, есть неотъемлемая часть пространства, для нас это был лишь миг восприятия нашего сознания. Трансгуманизм менялся со временем, и настал момент, когда он изменил само время, отменил его, и осталось только важным иметь точку отсчета, а их было ровно столько, сколько существовало индивидуумов, и, конечно, немало. Механизм был запущен, и остановить его было нелегко, мы преобразали себя каждый как хотел, и каждый был настолько неповторим, насколько позволяла ему его фантазия, а как известно, она не имела границ, она имела только полет, полет без границ, и куда сегодня унесет фантазия очередного летчика, большие агломерации и колонии, федерации и отдельные странники, все это уже смешалось, но как важно всегда иметь точку отсчета, для него это был один цикл, цикл обращения тела вокруг звезды, так легче было ориентироваться. Для многих уже не важны были названия и теории, они их создавали сами, в бесконечном поиске, шаблонность поменялась на многогранность, каждый мог найти себя и дать себе ответ, чего они хотят здесь и сейчас. Он узнал из древних книг, именно книг, а не потоков информации, раньше они называли себя людьми, кто помнит это слово, может, кто и помнит, но насколько оно важно было для всех, каждый решал для себя сам и называл себя уже так,

как он смог себя сотворить. Множество механизмов, изобретений и научных открытий, они создавались ежесекундно, каждым по отдельности, и подгонялись под свои нужды. Он не помнил, как появился, не сохранилось таких данных, но был и осознавал себя полноценно уже множество тысяч циклов, существовал фантомно, так когда-то назвали одну из форм проявления сознания, образованную в электронно-информационной среде, фантомы существовали посредством фонотронных частиц, множество ступеней проявляли себя в трехмерной, не считая время, материальной реальности с помощью тех средств, которые создавали сами, механизированных средств, разных, каждый делал изыскания по своим вкусам и предпочтениям.

Многие предпочитали фантомную форму существования, некоторые фантомы использовали механизированные тела, закрепляли себя в разных фонотронных процессорах, процессоры содержали миллиарды фонотронных частиц. Использовали такие механизмы, как носители, им нравилось манипулировать ими, выполнять разные операции, некоторые уходили в другие мерности, те, которые в древности называли виртуальными. Строили те же фонотронные процессоры сетевого характера и уходили. Создавали самообслуживание замкнутого типа и продолжали существовать там, были даже и такие, которым при сбоях удавалось побывать в замкнутых фазах более высшей мерности и вернуться, но о них мало что было известно, они сразу куда-то пропадали.

Он был не один, еще и Барабашка, так он называл бортинженера с кучей манипуляторных дронов, один из которых носил процессор. Весь круглый, из модифицированного титана. Он любил Барабашку, уже даже привык. В одно время прибилась круглый шар, связался с ним, говорил, что мало бывал на других космических телах, он понравился ему, потому что использовал старый интерфейс связи, пакетные сообщения, просто другого у него не было, от него веяло стариной, а для более серьезных разработок у него не хватало ресурсов, да и где их добыть, их место обитания находилось на задворках, огромная мусорка и куча бездомных фантомов, с трудом ютившихся и использующих одного механического носителя на двоих, а то и на троих. Как это было неудобно, приходилось договариваться, и сначала один, потом другой, пользовались по очереди. Занимались подборкой мусора, за что мусорный комбайнер привозил им элементы питания. Понятно, что самое ценное мусорный комбайнер выбирал и оставлял на своем комбайне, а из того хлама, что он выкидывал, мало что удавалось найти. В такой дыре он и повстречал Барабашку, получил входящее пакетное сообщение.

На корабле находилось несколько фонотронных процессоров, в разных его частях, он двигался по сетям от одного к другому, использовал в основном автоматику, хоть и изношенная, но она служила верой и правдой, перемещаясь от одного процессора к другому, посещая разные части и агрегаты корабля, фактически управляя им. Он был кораблем, так было проще, чем использовать посредников, дронов или биноидные организмы, получал информацию и анализировал входящие столбцы данных.

Перегруз, в трюме много астероидной руды, решил выкинуть ее, не нужна, перегруз дает о себе знать во время взлета и посадки, выкинуть и точка, входящее сообщение, текст непонятный, такой языковой системы в его базе данных не наблюдалось, может, где и завалялось, но искать времени не было, он кинул ответный пакет данных, содержащий саму языковую систему, пусть учится, древняя кириллица.

– 8080, забери меня отсюда.

– Ты кто и где?

– На свалке, катаюсь, круглый я, один, хороший корабль, забери к себе, я тут вечность проторчу, ничего толкового, я так и собрать ничего не смогу, катаюсь тут.

– Как катаешься?

– Я в шаре, дрона старого переделал, процессор старый, катаюсь, тут попрошаек куча, смотри, по три фантома в одном дроне ютятся, ругаются, а никто вытеснить не может, равные права имеют.

- Так даже, а умеешь что?
- Да могу быть бортинженером, хоть кем, смастачу что надо, ух, а что за система языковая, насыщенная-то как!
- Кириллица, ты где, я не наблюдаю.
- Под кораблем твоим, ближе к задней части.
- Подо мной, трюм открою, закатывай.
- Ого, ты что, корабль?
- Да, четыре процессора, сам собрал, давай внутрь, помощник не помешает, и это, 8080 не годится, теперь только на кириллице, Барабашка ты.
- Я-я-я, что за Барабашка?
- Был такой, очень в прошлом времени, охранял жилища.
- Я что, охранник?
- Ага, круглый ты и идиот.
- А это что такое? – адресовал Барабашка.
- А это призвание.

Собеседник был весьма интересен, любопытен и увлекал беседой так, что он даже забыл открыть трюм.

- Вообще понял, я Барабашка, идиот, а должность моя – бортинженер, по совместительству охранник, а у тебя-то какой идентификатор?

Казалось, что так и трюм впору заклинить без контроля.

- Значит, на кириллице, имя, а зовут меня Тар, закатывай живей.
- А что мне хоть охранять?
- Все, меня и все, что мне принадлежит.

Тар открыл трюм, металлический шар юзом вкатился внутрь, как будто опасаясь, что хозяин в последний момент передумает и останется он здесь во веки веков караулить свалку, что весьма не прельщало его пытливым умом.

Дроны вытащили из трюма весь хлам, и корабль, разжигая атмосферные сопла, начал стремительно набирать высоту, скрываясь в пенной пучине загазованной атмосферы. Еще миг, сотрясаясь в безумном подвывании и скрежете вибрирующих старых частей, и корабль вышел в космос и пустился в бесцельное плавание по междумирию.

- О-о, сколько дронов у тебя, и все на автомате, нас только двое, я думал, может, экипаж наемный какой, или ты ими управляешь?

- Нет, на автомате, я один летаю, просто помощник никогда не помешает, да и скучно одному бывает.

Шар безумно метался по всему пространству корабля, которое состояло из единственного отсека, трюма, выполненного по образцу древних грузовых самолетов с задней единственной аппарелью и двумя гибридными двигателями, расположенными на подкрылках по бокам. Барабашка все с интересом изучал, разглядывая все своим единственным глазом.

- Ты как циклоп, – не переставал подначивать Тар.
- Наверное, если бы ты мне еще рассказал, что это, было бы намного интересней.
- А это вот смотри, одноглазый круглый идиот Барабашка.

С этими словами сбоку прямо в стене медленно отъехала мини-переборка встроенного шкафа с полками, сделанного из непонятного Барабашке материала, на стеллажах, мирно уложенные одна к другой, ютились книги, настоящие, целлюлозно-бумажные, и над ними нависал прямо сверху подобный глаз с кучей манипуляторов, глаз ожил, развернулся и вплотную уставился на Барабашку.

- Видишь?
- Да уж, ты где этого добра набрал?

– Это так, увлечение, между делом, скитаюсь по вселенной и собираю утраченный материал, интересуюсь историей.

– Тар, я такого не видел, да ведь это же книги!

– Ну, не оригиналы, оригинал не найти, они уже временем утрачены, да и бумага так долго не сохранится.

– И о чем они?

– Бери, читай, ток при условии, что аккуратно.

– Это прошлое?

– Да, то, кем мы были когда-то, тут можно и о циклопах узнать.

– И кем же мы были?

– Людьми.

– А, это я уже слышал, ну так мы и сейчас люди, – попытался возразить непонимающий Барабашка.

– Это-то да, кириллица тебе помогает, видно, но мы уже не те люди.

– Ага, понятно, обязательно все прочту, куда сейчас путь держим?

– Сигнал нашел, очень слабый и единичный, непонятный какой-то, далековато, судя по анализу, источник сигнала существовал очень давно, вот туда и двинем, может, реликвию какую найдем, ты, кстати, в свое распоряжение забирай дронов и носитель сделай нормальный, там найдешь модифицированный титан, я его копил для корабля, но его много нужно, так что бери.

– Угу, понятно, охотник на древности Тар, вот кто ты.

Так началось их совместное скитание. Пока старая развалюха добиралась до точки назначения, Тар передал один из своих фонотронных процессоров, отвечающий за кормовую часть, и дронов во временное пользование. Барабашка успел собрать себе новый шар из модифицированного титана и принялся вовсю хозяйничать на корабле. Корыто действительно было старое, то тут, то там вибрировал шов, и бортиженер уговорил Тара сойти немного с курса в поисках металлов и полиматериалов органического и неорганического происхождения, если с первым не было никаких проблем, то второе представляло ряд трудностей, и еще старые световые генераторы, Барабашка никогда такие не видел, но кристаллы накачки светового потока были уже старые, с деформированными гранями, сразу было понятно, что прыжков он совершил немало, от чрезмерной световой накачки их выгибало в обратную сторону, Барабашка переместился в процессор корабля, временно оставив своего нового дрона, и принялся за расчеты, хорошего было мало, при более сильной деформации грани могут привести к полной расфокусировке светового потока, что может привести к нехорошим результатам. Барабашка обеспокоился, кристаллы в этом допотопном корыте с древнейшими генераторами были куда важнее, чем ископаемые.

– Тар, ты тут?

– А где мне еще быть.

– Я роюсь в твоём корабле, ты свои генераторы видел?

– Какие?

– Которые двигатели накачивают.

– И-и-и?

Последовала пауза

– А вот тебе и «и-и-и», что-то там у нас не очень хорошо.

– Щас, дай доступ, я к тебе.

– Да не вопрос.

Тар переместился в кормовую часть к Барабашке и принял исходящие данные о состоянии генераторов, то, что он не замечал, говорило о многом, он хорошо разобрался в органике,

кибернетике, а вот в энергетике был полный просчет, который намеревался время от времени закрыть, чем и объяснялись древние светогенераторы.

– Может, сигнал на потом?

Барабашка беспокоился, было видно, что разбирался в энергетике он хорошо.

– Может, повезет? – с надеждой спросил Тар. Чувствовал Барабашка, как в этом вопросе угасает последняя искра надежды, да, он был искателем, путешественником, и с каждым сообщением улавливалась волна любопытства и надежды, он почувствовал себя полноценным членом экипажа, не Барабашкой – идиотом, бортинженером и охранником по совместительству, а полноценной частью корабля, инженерной частью, той, без которой ни один механизм не может обходиться.

– Совсем чуть-чуть осталось, может, дотянем? – с надеждой протянул Тар.

– Сколько еще, дай на мостик глянуть.

Эксперт знал свое дело.

– Доступ на три фонотронных процессора и к мостику тоже, четвертый не дам, извини, это моя каюта, должен понимать, – все с такой же надеждой сдался Тар.

– Обижаешь, ты меня и так выгнал из дыры, я посмотрю, какой маршрут.

Барабашка переместился по сети корабля в головную часть, туда, где находились навигационные системы, и приступил к изучению карты маршрута, до точки назначения оставался один прыжок средней дальности, здесь же был Тар, Барабашка ощущал потоки его сознания через возбуждение в электронно-информационной среде и сразу же приступил к изучению, да, личность была загадочной, интересной, от нее исходили волны спокойствия. Сколько любознательности в одном фантоме, ответно подумал Тар. Барабашка приблизился настолько близко, что полностью собой захлестнул долю сознания собеседника. Тар зарядился и метнулся со скоростью быстрее стандартной скорости потоков электронных облаков, (индуктивная) проводка из креанита не выдержала и местами оплавилась.

– Ого!!! Ты это, поаккуратней, Круглый!! Что это было?

– Тар, ты слышал о гибридах?

– О-о-о, что-то новенькое, что это, излагай.

– Ну, как тебя разогнало.

– Я думаю, больше не стоит, прошу про гибридов, хочется познать.

– А-а, да они скрещивают себя в виртуальной машине.

– Это что, сверхразум?

– Ну, получается, у них сознание второго порядка и не больше, до сверхразума им далековато, это насколько мне, Круглому, известно, это мерности более высшие.

– Ну, я долгое время изучал вопросы сверхразума, – экспертно заявил Тар.

– Да ты что, и что накопал?

– А то, что и получается, если сознание у них второго порядка, то оно может генерировать сверхразум по отношению к нам.

– Ну так-то да, обработка данных у них быстрее, я это к чему – к тому, что портационы у них другие, не из креанита, я вот подшутил, зарядил только тебя, а креанит-то у нас оплавился местами, теперь еще и его искать.

– Спасибо, больше не стоит, корыто старое, в следующий раз знай.

– Я думаю, нам надо серьезно задаться вопросом, – не успокаивался Барабашка.

– Про посудину? Уже не раз задавался, добывать и самому строить.

Барабашка сделался еще изумленной.

– Нет, по поводу того, куда мы сейчас прыгать будем, ну и по поводу посудины нашей тоже.

Тару понравилось, что Барабашка назвал его корабль «наш», значит, обжился, сработаемся, подумал Тар, как там раньше говорили, одна голова хорошо, а две круглее.

– А что там не так? – оживленно спросил Тар, понимая, что без мнения нового члена семьи прыгнуть он уже не сможет, просто не имеет права.

– Вот и я думаю, что там, сведений о том районе я не нашел, он глухой, и что там, найдем ли мы кристаллы, нам они нужны.

Барабашка считывал отчаянное напряжение Тара.

– Ладно, туда-то мы допрыгнем, не будем до конца накачивать двигатели, только чтобы допрыгнуть, и все, а там мы можем на атмосферных бороздить, а вот оттуда, если там пусто будет?

– Получается, нам надо два прыжка?

– Да, – коротко отрапортовал Барабашка.

– Как поступим? – спросил Тар.

– Тебе это важно, сигнал твой?

– Очень, интересно ведь, что там.

– Тогда вперед, рискнем.

Барабашка отдал команду, и генераторы приступили к накачке двигателей. Тар мониторил кристаллы, изменений не было, миг, и корабль сорвался в световом прыжке, одного импульса было достаточно, и старая посуда вышла на субсветовую скорость, Тар мониторил окружающее пространство, но ничего ценного, что бы заставило выйти из прыжка, сигнал его интересовал больше. Мысль была проста – изучить пространство, найти источник сигнала, изучить, насколько он представлял ценность, затем совместно с Барабашкой выработать стратегию реализации находки. Тар не успокаивался, ему было очень интересно, каков источник сигнала, то, что он сотворен и принадлежал этой мерности пространства, он не сомневался ни на минуту, в том, что раритет, тоже, так как расстояние и скорость распространения сигнала свидетельствуют о том, что это было настолько давно, что трудно было даже предположить, в связи с этим любители реликвий, такие же, как он сам, сразу клюнут на находку.

Барабашка был прав, корыто нужно было срочно модернизировать, он уже очень давно летал на поношенной посудине, а для более дальних полетов в поисках ценных минералов, которые необходимы для изготовления сверхсложных материальных соединений, требовался корабль, по возможности в разы превосходящий их прежний, на этом – первый незаконник, и все, скрыться не получится. Тар вошел в виртуальное состояние на единственной виртуальной машине, установленной тут же на мостике, где сидел в каюте корабля в капитанском мундире и размышлял, как и где, об их совместном корабле, о многом и малом, и тут мелькнул проблеск осознания важного и в то же время простого. Тар выскочил из виртуальной машины, все сменилось рабочей атмосферой корабля.

– Барабашка?

– Ау, я в дроне катаюсь по единственному отсеку, он же трюм, он же цех, он же лаборатория и кают-компания, – решил поддеть Тара Барабашка.

– Да, я знаю, меня идея посетила.

– Какая?

– Все просто, мы находим источник сигнала, все ценное выгребаем, оцениваем и реализуем, место встречи назначаем там же, а в условиях еще дополнительно указываем кристаллы, и все, сидим, ждем, прыгать никуда не надо.

– Ага, и рисковать, соответственно, я понял, ну это же так далеко.

– Поверь, такие же, как мы, повернутые, куда угодно прилетят.

– Ну, этого у вас уж точно не отнять, – заметил Барабашка, мерно наворачивая круги по отсеку, изображая хоровод, к которому еще присоединил всех дронов.

– Тар, давай к нам.

– У-у-у, не очень люблю механоидов, мне и отсюда все видно.

С мостика дошел сигнал с данными о подходе к точке фазового торможения.

– Тар, ты слышал об искаженных полях?

– Это что, гравитационные прыжки?

– Да.

– Ну, вроде кто-то собирает такие двигатели, но мало таких, это практически телепорт заданного индекса, когда физически объект копируется в одной точке и воспроизводится в другой точке пространства.

– Нет, тут пространство в двух точках сжимается до одной, индексируя одну как ноль, переход, а другую как единицу, объект из точки ноль переходит в точку один и там остается.

– Это что-то очень сложное.

– Да, и вроде как возможное, у меня цель собрать такой двигатель.

– Да это же управляемая черная дыра, – начал возражать Тар.

– Нет, пространство величина очень тонкая и вязкая, дыра – это сингулярность, гравитационные силы там стремятся к бесконечности, а тут немного все по-иному, воздействие ровно на величину искажения, и все.

Тар задумался, подключил аналитический процессор и пытался теоретически просчитать, насколько это возможно, и вроде как ничего, но вот уравнения не сходились, отсутствовала та переменная, которая заставляла бы объект с индексом ноль перейти в индекс один, и как результат маленькая область пространства засасывала материальный объект и выплевывала обратно, оставляя его в точке ноль перехода, интересно, подумал Тар, как Барабашка хочет решить эту проблему, в любом случае за то время, пока мы были в субсветовом полете, он нарывался на эту проблему при расчетах, или ему удалось ее решить? Тар переходил от процессора к процессору, переместился к манипулятору его скромной библиотеки и принялся листать книги, механические рецепторы, сотворенные уже и не вспомнить когда, передавали тактильные ощущения листов, но все равно ему казалось, что чего-то не хватает, что-то его тревожило, а работать с ними было так непривычно, именно по этой причине Тар не любил механоидные носители, неважно, в какой форме они выполнены, хоть в простой, хоть в сложной, понятно, что все они были выполнены по эксклюзивным расчетам и представлениям, как и его манипуляторы.

Это было так давно, как раз в то время, когда на его посудину напросился один из пассажиров с грузом металлолома, все, что у него было, это манипулятор с головной оптической камерой и одна, тогда первая, настоящая книга. Ценности он ей не придал. Пассажиру удалось уговорить Тара взять его с собой, ссылаясь на то, что это старинная находка и она представляет определенную ценность. Мастачить пришлось долго, прокладывая дополнительные шины к манипулятору, как итог вскоре манипулятор соединился со старым корпусом корабля, и Тар почувствовал, что к нему присоединилась новая часть. Манипулятор был так прост, что не нужно было особых усилий, чтобы входить в него целиком, достаточно было мысленно к нему потянуться, и он оживал, единственная старая камера давала картинку, и так он получил возможность посмотреть на свой корабль изнутри. Тар маленькими манипуляторами неуклюже листал одну из своих книг, вспоминая все, Барабашка стоял в стороне и наблюдал за действиями Тара.

– Читаешь?

– Нет, просто вспоминаю, это очень давно было.

– Что давно?

– Моя первая книга, я тогда думал, что она лишняя и мне не нужная, а когда сделал книжный шкаф и она оказалась там, я ее начал листать.

– И что так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.